Причины войн и их роль в социальной эволюции: обобщение современных концепций

Николай С. Розов

**Институт философии и права Сибирского отделения РАН;
Новосибирский государственный технический университет,
Новосибирск, Российская Федерация**

ORCID: 0000-0003-2362-541X

Рекомендация для цитирования:
Розов Н. С. (2024) Причины войн и их роль в социальной эволюции: обобщение современных концепций.
Социология власти, 36 (3): 77-98
https://doi.org/10.22394/2074-0492-2024-3-77-98

For citations:
Rozov N. S. (2024) Causes of Wars and Their Role in Social Evolution: Generalization of Modern Concepts.
Sociology of Power, 36 (3): 77-98
https://doi.org/10.22394/2074-0492-2024-3-77-98

Поступила в редакцию: 27.04.2024;
прошла рецензирование: 01.07.2024;
принята в печать: 25.07.2024
Received: 27.04.2024; Revised: 01.07.2024; Accepted for publication: 25.07.2024

This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

© 2024 by the author.

В статье представлен системный и исторический взгляд на войны с учетом обобщения современных концепций об их природе и причинах. Обобщение сделано на основе политико-социологического аппарата с такими базовыми понятиями, как «заботы» разного типа (включая «интересы», «мотивы», «цели», «ценности»), расширение схемы вызов–ответ (А. Тойнби), позитивное и негативное «подкрепление» (Торндайк–Скиннер), «обеспечивающие структуры» (А. Стинчкомб). Все заботы, связанные с войнами, имеют в своей основе социальные универсалии М. Вебера и М. Манна: могущество–безопасность, власть–доминирование, престиж–достоинство–легитимность, богатство–ресурсы–доступ к ресурсам. Рассмотрены геополитические заботы (относительно контроля над территориями), символические ставки и заботы поддержания международного порядка. Приоритетность соответствующих забот меняется как в долгой социальной эволюции, так и в краткосрочной динамике взаимодействий. Рассмотрена спиральная динамика как динамическая модель причины непреднамеренных войн, «которых никто не хотел». Соответствующие решения, действия правителей и элит, связанные с войной, проанализированы в контексте быстрого и медленного мышления по Д. Канеману. Общие принципы социального взаимодействия и социальной эволюции позволяют судить об условиях, повышающих и снижающих вероятность возникновения новых войн, а также о закономерностях динамики и прекращения войн.

Объясняются эмпирические обобщения характеристик войн в мировой истории, сделанные современными специалистами (С. Ван Эвера, Г. Кэшман и др.). Показано, какую роль играют войны в коэволюции социальных, ментальных и техноприродных порядков, а также в целом в социальной эволюции.

Ключевые слова: причины войн, непреднамеренные войны, преднамеренные войны, социальная эволюция, роль войн в истории, социальные порядки, ментальные порядки, демократический мир, коллегиальное разделение власти

Causes of Wars and Their Role in Social Evolution: Generalization of Modern Concepts

Nikolai S. Rozov

Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russian Federation
ORCID: 0000-0003-2362-541X

The article presents a systemic and historical view of wars taking into account the generalization of modern concepts about their nature and causes. The generalization is produced on the basis of a political and sociological apparatus with such basic concepts as: "concerns" of different types (including "interests", "motives", "goals", "values"), an extension of the challenge-response scheme (A. Toynbee), positive and negative "reinforcement" (Thorndike-Skinner), and "support structures" (A. Stinchcombe). All the concerns related to wars are based on the social universals of M. Weber and M. Mann: power-security, power-dominance, prestige-dignity-legitimacy, and wealth-resources-access to resources. Geopolitical concerns (regarding control over territories), symbolic stakes, and concerns with maintaining the international order are considered. The prioritization of relevant concerns changes in both the long run of social evolution and the short run of dynamics of interactions. The article considers spiral dynamics as a dynamic model of the cause of unintended wars "that no one wanted." Relevant decisions and actions of rulers and elites related to war are analyzed in the context of fast and slow thinking according to D. Kahneman. The general principles of social interaction and social evolution allow us to judge the conditions that increase and decrease the probability of new wars, as well as the regularities of the dynamics and termination of wars. Empirical generalizations of the characteristics of wars in world history made by modern specialists (S. Van Evera, G. Cashman, etc.) are discussed. It is shown what role wars play in the co-evolution of social, mental, and techno-natural orders, as well as in social evolution in general.

Keywords: causes of wars, unintentional wars, intentional wars, social evolution, role of wars in history, social orders, mental orders, democratic world, collegial division of power

В XXI веке вооруженные конфликты и войны разной степени интенсивности и масштаба возобновляются с удручающим постоянством. Этот факт находится в остром противоречии не только с исходными идеями и предназначением объединяющей все признанные государства Организации Объединенных Наций, но и с широко распространенными представлениями о нормальности, желательности мирного сосуществования обществ, сколь бы различными они ни были в своем политическом и экономическом устройстве, а также в религии, идеологии, культуре, ценностях. Даже политические силы, начинающие и продолжающие вооруженные столкновения и войны, избегают объявлять их нормальным и желательным состоянием, претендуя на то, что они готовы установить справедливый и прочный мир (разумеется, только после своей победы).

Данное противоречие указывает на существование неких глубинных и, вероятно, сложных, разнородных причин возобновляющихся войн, которые никак несводимы к «ошибкам», «нерациональности», «непреодоленному животному началу», «извечной агрессивности человеческой природы» и т.п. ходовым, поверхностным объяснениям. В социальных и исторических науках накоплен солидный объем знаний, однако само обилие разнородных концепций природы и причин войн существенно затрудняет их использование. Требуется некий «общий знаменатель» — достаточно абстрактный политико-социологический аппарат, позволяющий корректно связывать и совместно использовать эти концепции.

При построении такого аппарата внимание будет сосредоточено на понятиях, связанных с разного рода движителями («драйверами») человеческого поведения. Таковы потребности, заботы, интересы, решения. Объективные структурные факторы и субъективные особенности акторов, разумеется, значимы в каждом случае возникновения военного конфликта, но все они действуют не помимо, а через указанные движители.

Заботы — универсальный драйвер человеческого поведения

В (пост)марксистском обществознании фундаментальным концептом, объясняющим человеческое поведение, являются «потребности». Это понятие наиболее адекватно для уровня базовых индивидуальных нужд, источников мотивов и желаний в сферах пропитания, комфортности среды, родительства, сексуальности, общения с близкими. На производных, надстроенных уровнях более корректно использовать понятие «забота».

Действительно есть потребности в еде и в том, чтобы в доме было тепло. Но нашими действиями по закупке продуктов, заготовкам на зиму, обустройству кухни и столовой, починке плиты или холодильника, по решению проблем, связанных с отоплением, непосредственно движут уже не сами нужды организма, а *заботы* — нормативные представления о должном состоянии соответствующих предметов и условий. Тем более в охватывающих социальных масштабах (район, город, область, страна, союз государств) руководители, организации, институты движимы *заботами*, в том числе связанными с безопасностью, престижем, легитимностью, доступом к ценным ресурсам и т. д.

Здесь будем говорить только о тех заботах, для обеспечения которых сообщество готово применять вооруженное насилие. Такого рода *заботу* определим как *отношение, связывающее:* 1) *сообщество*, 2) *гомеостатическую переменную как шкалу значений* (предмет заботы) и 3) *установку на применение насилия* (вынужденное или возможное) для возвращения этих значений к приемлемому состоянию, либо доведения их до желаемого, целевого состояния.

Чтобы каждый раз не делать оговорки о широком разнообразии внутренних политических устройств и распределении полномочий, будем далее говорить о «сообществе» и его «заботах», подразумевая, что сообщество способно начать войну или вступить в войну вследствие решения полномочных правителей — *терминальных акторов* (индивидуальных или коллективных).

Несмотря на непривычность, понятие «забота» более предпочтительно, чем «потребность», поскольку предполагает активность, усилия, действия в осуществлении заботы. Понятие «потребность» слишком связано с состояниями организмов, непосредственными желаниями, стремлениями. Понятие «забота», скорее, связано с обязательствами, рациональным ожиданием трудностей, дефицитов, препятствий, к которым надо готовиться и которые приходится преодолевать, а также с нормативностью и институтами. Странно говорить и думать, что политик или чиновник испытывает «потребность» в безопасности, в расширении круга союзников или в росте могущества державы. Таковы именно *заботы* лиц и групп, попавших в соответствующие институциональные позиции.

Кроме того, *забота* как стремление удержать в нужных рамках значения *гомеостатической переменной* встроена в конструктивную охватывающую модель с понятиями *обеспечивающая структура, издержки, напряжения* [Stinchcombe 1987: 80–100].

Понятие заботы допускает многократное усложнение, в результате которого можно говорить о *производных заботах* второго, третьего, четвертого порядка. Политическая забота о могуществе обеспечи-

вается такой структурой, как армия, но поддержание боеспособной армии является особой — уже производной — заботой. Далее вырастают следующие слои забот по развитию и обновлению вооружений, профессиональной подготовке офицеров, постройке и поддержанию училищ, лагерей для военной подготовки и учений, развитию школы военных хирургов и т.п.

Интересы как типы геополитических забот

Интересы дипломатии, ведущие к заключению и разрыву союзов, к военным действиям и развязыванию войн, также могут быть осмыслены как производные заботы в отношении к более глубоким заботам или конкретным целям, причем все они «питаются энергией» типовых политических, а иногда и базовых антропных забот, например, когда задеты честь, достоинство правителя, правящей группы как терминального актора [Браун 2003; Blattman 2022].

В качестве главного понятия для анализа мотиваций, связанных с войнами, обычно используют «интересы», например, интерес получить военно-политический контроль («присоединить», «захватить» или «освободить») такую-то территорию или такой-то пролив [Copeland 2000; Fry 2013]. Говорят также об интересах сохранить и увеличить свое могущество, влияние, престиж и т.п. Таким образом, «интерес» является слишком общим, размытым понятием. Его следует разделить на следующие уровни:

- интерес как *цель* — в данной ситуации получить такой-то конкретный результат;
- интерес как более или менее *долговременный мотив* (в течение десятилетий или даже столетий) относительно каких-то внешних объектов, например, интерес Российской империи к получению контроля над проливами, интерес Британской империи, а затем Соединенного Королевства к получению и сохранению контроля над Гибралтаром и Суэцким каналом; интерес США к контролю над Панамским каналом;
- интерес как *типовая политическая забота* — стремление, выраженное в поведении, действиях, терминальных акторов к сохранению или возвращению значений определенной переменной (предмета заботы) в приемлемую или желаемую область; именно такими заботами являются «интерес держав в поддержании и росте своего могущества, влияния, авторитета, достоинства», «интерес обладать паритетной или превосходящей военной силой», «интерес к сохранению или расширению подконтрольных территорий» и т. д.;

- интерес как *базовая антропная забота* — стремление поддерживать условия обеспечения человеческих потребностей в пропитании, защиты от ненастья, холода, зноя, доступа к жизненно важным ресурсам, статуса, положения среди себе подобных, сексуальности и родительства.

Наиболее ходовые в геополитической и военной тематике понятия «интерес», «мотив», «цель», «задача» являются конкретными, частными выражениями более общих забот. Так, типовой «национальный интерес» к контролю над проливами или каналами является выражением заботы о беспрепятственном прохождении собственных военных и торговых судов в наиболее значимые акватории и о своей способности регулировать такое прохождение чужих судов. Не было бы этой заботы, не существовало бы и таких интересов.

Беззаботные не начинают войн и не ввязываются в войны. Даже если война — ответ на вызов, то воздействие воспринято как вызов лишь оттого, что задело, активизировало некую весьма значимую заботу.

Геополитические заботы, символические ставки и международный порядок

Под *геополитикой* (как реальностью) здесь понимается сфера социальных взаимодействий относительно военно-политического контроля над территориями (в широком смысле, включая акватории: моря, проливы, озера, реки). Основные *геополитические заботы* связаны с сохранением контроля над уже имеющимися пространствами и с расширением этого контроля на новые земли.

Территориальные войны происходят, когда для одного сообщества или альянса другие сообщества или их вооруженные силы оказываются помехами в осуществлении полного и признанного контроля над определенным пространством [Lebow 2010]. Иными словами, такие войны ведутся сообществами, *в заботы которых входит контроль над одной и той же территорией*.

Особую роль среди геополитических забот играют т.н. *символические ставки*, когда контроль над определенной территорией, городом, морем, проливом связывается не столько с экономической выгодой, сколько с традиционными святынями, идентичностями, а значит — с моральным и политическим престижем державы, ее правителей и элит [Senese, Vasquez 2008: 17; Martin 2018].

Понятие *символических ставок* указывает на необходимость включения в предметы заботы таких специфических сущностей, как *символы*, в том числе религиозные святыни, моральные и политические ценности, культурные традиции, правовые принципы.

Символы всегда связаны с сильными эмоциями, такими как гордость, самоуважение от причастности к символам и успешной их защиты, как унижение, подавленность или ненависть, когда принимаемые символы, особенно святыни, принципы, традиции, кем-то попраны или оскорблены [Hironaka 2005; Mann 2023].

Следует также указать на особые заботы утверждения и защиты международного правового порядка. Благодаря наличию таких забот у сильнейших держав («мировых полицейских») международные нормы и институты способны быть факторами как ограничителей, препятствий войнам, так и пусковыми крючками для развязывания новых войн [Lebow 2010].

Все ли войны ведутся из-за территорий и за территории? Увы, мотивов развязывать войны больше. Они ведутся для принуждения выполнить какие-то требования, для наказания, для мести, для восстановления или поддержания своего престижа и т. д. В целях охвата довольно широкого круга таких мотивов, целей, интересов, желаний следует принять во внимание и другие заботы.

Общий тезис состоит в том, что все типы стремлений возникают только при наличии забот относительно тех или иных предметов. Например, представители сообщества (племени, вождества, государства) *А* убили мужчин, захватили женщин сообщества *Б*, оскорбили его богов или священную память предков, отравили воду в реке, напустили порчу, привели своими грехами к засухе и болезням. Не будем уточнять достоверность и даже возможность таких возмутительных действий. Важно, что у сообщества *Б*, его правителей и элит есть уверенность в их реальности, которая служит достаточным стимулом для возмездия — вооруженного нападения на сообщество *А*. Такое нападение может привести к войне, если сторона *А*, в свою очередь, сопротивляется и отвечает насилием на насилие. Как видим, круг забот, способных привести к войнам, принципиально открыт.

Вызовы-угрозы и вызовы-возможности

Тойнбианская схема «вызовы и ответы» уже давно вошла в словарь политических аналитиков, публицистики и авторов бюрократических документов. С одной стороны, слишком частое и вольное употребление размывает и затуманивает значение понятий, с другой стороны, эти неприятности не отменяют здравого ядра и полезности концептов.

Уточним элементы этой схемы посредством понятия «забота» как части охватывающей функциональной модели [Stinchcombe 1987: 80–85]. Поскольку *предмет заботы* представляется в форме переменного параметра — шкалы с зонами приемлемых значений, то *вы-*

зов-угроза является воздействием, которое выводит или способно вывести эти значения за пределы этой зоны. Иначе говоря, *вызов-угроза* — это такое проявление *напряжения*, которое наносит ущерб или воспринимается как вероятное нанесение ущерба для *предмета* той или иной *заботы*, т. е. выведение значений *гомеостатической переменной за пределы приемлемости*.

Допустим, в состав забот некоего сообщества входят контроль над территорией (исключительный доступ к ней), безопасность самих членов сообщества, сохранность их ресурсов (запасов, жилищ, инфраструктуры, производств) и доступ к ним, защищенность своих святынь от каких-либо оскорблений.

Ответ на вызов-угрозу обычно состоит в действиях, направленных на устранение угрозы. Тогда реальный, ожидаемый или кажущийся нанесенный извне ущерб для любого из этих предметов забот вполне может вызвать такой ответ — агрессивные вооруженные действия, направленные на реальные или предполагаемые источники угрозы, что способно стать началом войны.

Кроме того, на той же шкале обычно располагается другая зона — желаемых, привлекательных для актора значений (больше могущества, больше ресурсов, больше престижа и т.п.). Соответственно, *вызов-возможность* (или *вызов-соблазн*) определяется как новые или ставшие известными актору обстоятельства, открывающие ему привлекательные перспективы, что позволяет ставить конкретные практические цели для достижения новых привлекательных значений в шкале своего значимого предмета заботы.

Захват чужой богатой ресурсами земли, накопленных запасов, ценностей, подчинение, присвоение чужих женщин или детей, а также юношей, мужчин как потенциальных работников или солдат — все это типовые вызовы-возможности сильных воинственных сообществ на протяжении длительной истории, не исчезнувшие по сию пору.

Принцип подкрепления, социальные универсалии и приоритетность забот

Перспективным представляется использование на разных уровнях анализа принципов *позитивного и негативного подкрепления* Торндайка-Скиннера в отношении ответов на вызовы (А. Тойнби). Отметим, что эти принципы работают в широком спектре: от индивидуального до международного масштабов, от ситуативных реакций до учета длительного исторического опыта[1]. Типы подкрепления соответ-

1 Сами бихевиористы, в том числе Скиннер, распространяли свои принципы на все человеческое поведение, включая образование, науку, экономику

ствуют успехам и провалам. В обсуждаемой конструкции успехи и провалы относятся к *заботам* как долговременным и деятельно обеспечиваемым интересам, которые всегда связаны с веберианскими универсалиями: могущество/безопасность, власть/доминирование, престиж/достоинство/легитимность, богатство/ресурсы/доступ к ресурсам, причем приоритетность соответствующих забот меняется как в долгой социальной эволюции, так и в краткосрочной динамике взаимодействий [Манн 2018].

Вообще говоря, *изменчивая приоритетность забот* вполне может претендовать на роль общей основы многих объяснительных принципов. Диагностировать эту приоритетность можно через сравнительный анализ вкладов (инвестирования) субъектами ресурсов, сил, времени на обеспечение каждой заботы. Значимость разных забот также может быть реконструирована через выявление их признаков в главных поступках и решениях субъекта, в красноречивых умолчаниях, в непроизвольном выражении эмоций государственными лидерами, политическими деятелями, когда они сталкиваются с ущемлением забот или новых возможностей для их обеспечения. Воспринимаемая и выражаемая вовне опасность рисков, готовность на трату ресурсов и на новые риски прямо пропорциональны уровню приоритетности угрожаемой заботы.

Решения о войне

Главными управленческими действиями являются решения. Управление также включает сбор и обработку информации (для принятия решений), контроль за исполнением решений, результаты которого, опять же, служат для принятия новых решений.

Начало любых вооруженных действий, сопротивление чужому нападению всегда связаны с рисками. Без решений, причем с обеих сторон, такие события не обходятся. Притом что понятие решения всем хорошо знакомо, следует эксплицировать его связь с другими базовыми понятиями данной конструкции.

и политику. Но историки, политики, дипломаты и теоретики в этих сферах обычно игнорируют такой «редукционизм». Разве можно «высокую политику войны и мира» опускать до такого «примитива»? При этом не замечают, что известная и широко применяемая логика «учитывать уроки истории», «не наступать на те же грабли», «следовать примеру великих предков», «развивать ранее достигнутые успехи» — исконно бихевиористская. Указанные и многие другие ходовые, причем вполне действенные формулы представляют собой идеологическую вербализацию тех же подкреплений: отрицательных («грабли» — досадные провалы, поражения) и положительных (прошлые достижения, успехи, победы).

Все решения включают как минимум три составляющие: *диспозиционную* (какова ситуация, что сейчас происходит), *целевую* (чего нужно достичь, каково новое требуемое состояние ситуации) и *исполнительную* (какими действиями, с помощью кого и какими средствами достигать цели). Первые две в простых решениях часто не проговариваются и даже не осознаются.

В сфере военных действий и геополитики наиболее значимы решения верховной политической инстанции — *терминального актора*, за которыми следуют цепочки подчиненных решений, приказов. Последние реализуются в более или менее контролируемых перемещениях вооруженных групп людей, в их действиях, а также в сопутствующих процессах, связанных с вооружениями, средствами обеспечения, вспомогательными службами, информационным, пропагандистским сопровождением.

В плане коллективной и индивидуальной психики каждое эффективное управленческое решение прежде всего *меняет заботы, соответствующие когнитивные и поведенческие установки всех задействованных организаций, групп, индивидов.* Теперь их воля, и так уже связанная должностями и институциональными правилами, получает гораздо более жесткую направленность и более тесные границы, что определено организационной позицией, обязанностями каждого в спланированной коллективной деятельности по выполнению решения.

Правомерно постулировать, что решения, прямо или опосредованно ведущие к началу военных действий, к войнам, всегда отвечают на вызов-угрозу или на вызов-возможность (иногда на то и другое вместе). Сведения о таком решении одной стороны (например, мобилизации, перевооружении, концентрации войск) нередко становятся вызовами-угрозами для потенциальных противников, которые принимают ответные решения.

Решения в форме официального объявления войны вовсе не обязательны для развязывания войн, что показала история, начиная со второй половины XX века[1]. Также к войнам не обязательно ведут решения типа «мы начинаем войну с таким-то государством». Вместо этого предпринимаются мобилизационные действия, стратегические действия (перемещения войск с пересечением границ), собственно военные действия (вооруженные нападения на объекты или силы противника, влекущие жертвы и/или разрушения).

1 Вообще говоря, практика официального объявления войны была конкретно-исторической традицией круга европейских держав, когда действовали принятые в геополитической ойкумене правила «хорошего тона». После Второй мировой войны и делегитимации войн от таких объявлений вовсе отказались, но войны возобновляются с удручающим постоянством.

Причины войн, «которых никто не хотел»

Спиральная динамика, приводящая к непреднамеренным войнам, возникает, когда *усиление агрессивности ответа каждой стороны отвечает ее заботе, ставшей ситуативно приоритетной*: не остаться униженным, не показаться сдавшимся и слабым, не остаться беззащитным перед преимуществом первого удара. При достижении определенного предела агрессивности, когда растут унизительность для противника, опасность используемого оружия, масштаб разрушений и количество жертв от первых ударов, вступление в большую войну становится наиболее вероятной перспективой [Wendt 1992]. В таких обстоятельствах актуализируется забота сохранения и усиления государства (населения, территории, экономики, статуса среди других государств).

Пользуясь *медленным мышлением* по Д. Канеману [Kahneman 2011], правители принимают в расчет опыт прежних войн, известное им соотношение сил, ожидания масштаба и темпа поддержки со стороны союзников для обеих сторон, вероятные издержки в главных аспектах и т.п. Такие расчеты вполне могут предостеречь акторов от дальнейшей эскалации действий, чтобы обоим противникам не свалиться в большую войну с огромными жертвами и чрезмерными рисками. Вероятность войны резко снижается, когда под влиянием пугающих расчетов противникам удается наладить коммуникацию, обсудить способы преодоления роста напряжения и рисков.

Однако даже при режиме *медленного мышления* могут совпасть многие факторы, повышающие вероятность войны: долговременная вражда, исключающая установление доверия, опыт недавних военных побед, искажение восприятия с иллюзиями близкой легкой победы, возможности атаковать «чужими руками», страх стать жертвой первого удара, ведущий к решению о превентивном нападении, ставшее неприемлемым выполнение невыгодных обязательств [Джервис 2022].

Спиральная динамика с большей вероятностью ведет к войне, когда на обеих сторонах преобладает *быстрое мышление* по Канеману, особенно если агрессивное действие становится ответом на вызов-возможность избегания большого ущерба для актуально приоритетной заботы. Сходная логика присутствует в известной «теории перспектив» [Cashman 2014: 79].

Условия, повышающие вероятность войн

Стефан Ван Эвера в своей книге подтвердил множеством примеров следующие тезисы, с которыми вряд ли следует спорить:

> «Государства воюют тогда, когда считают, что одержат верх, когда они полагают, что преимущество будет на стороне напавшего первым, когда считают, что их относительная мощь снижается (вызов-угроза от усиления державы-претендента. — *Н. Р.*), когда предполагают высокую кумулятивность ресурсов (т. е. захват одного ресурса дает доступ ко многим другим. — *Н. Р.*) и самое главное, когда считают, что завоевание будет легким. В совокупности эти представления объясняют значительную часть современных войн. При их полном отсутствии война возникает редко» [Van Evera 1999: 255].

Добавим положения, сделанные на основе обобщения результатов нескольких исследований [Wendt 1992; Van Evera 1999; Copeland 2000; Senese, Vasquez 2008; Levy, Thompson 2010; Lebow 2010; Wimmer 2013; Martin 2018; Orme 2018; Blattman 2022; Джервис 2022].

Вероятность войны тем выше:

- чем больше диадных отношений *отчуждения* и чем больше между ними *враждебности*;
- чем в большей степени предметы споров обретают не экономический, делимый, а *символический, ценностный характер*, обусловливающий для противников их достоинство, статус, престиж, уровни легитимности, причастности к святыням;
- чем больше *объективных дисбалансов сил* между соседями и между соперниками за контроль над спорными территориями;
- чем меньше у противников доступ к информации о силах сторон, а значит, больше вероятность *субъективного дисбаланса* (особенно преувеличения собственной военной мощи);
- чем сильнее связь между *легитимностью правителей и возвратом прежних, захватом новых ресурсов* (особенно контроля над символически значимыми территориями);
- чем *слабее оборонительные союзы*, чем в меньшей степени они способны контролировать своих членов, препятствовать их инициативным военным действиям;
- чем *менее ясны и строги международные правила и соглашения*, направленные на сохранение мира, чем меньше готовность их поддерживать со стороны сильнейших держав.

Конкретные войны возникают вследствие наступления хотя бы одного из следующих комплексов условий:

- сочетание высоких значений некоторых вышеупомянутых факторов для одной из сторон, ведущее к принятию правителем или правящей группой решения начать войну при достаточных административных и силовых ресурсах для его реализации, при отказе сдаться другой стороны (преднамеренные войны);
- сочетание высоких значений некоторых вышеуказанных факторов, приводящее к пошаговой эскалации взаимных вызовов-угроз (непреднамеренные войны).

Какие именно сочетания наиболее опасны — предмет эмпирических исследований, однако некоторые теоретические обобщения уже можно сделать.

Предварительные ответы на фундаментальные вопросы

Леви и Томпсон разделяют вопрос о причинах войны на три разных, но пересекающихся вопроса:

«(1) что вызывает постоянное повторение войн?

(2) что вызывает вариации войны и мира, или при каких условиях возникает война?

(3) что вызывает конкретные войны?» [Levy, Thompson 2010: 217].

Разумеется, на первые два вопроса можно ответить только на уровне весьма высокой абстракции и обобщения. Вряд ли попытка может быть полностью успешной и исчерпывающей, но она должна быть сделана. Войны до сих пор постоянно возобновляются вследствие совместного действия следующих обстоятельств:

- В отношениях между политиями (теперь преимущественно государствами) и внутри них всегда возникают и с тем или иным успехом обеспечиваются *заботы укрепления власти, легитимности правителей и режимов, властных элит*.
- Эти заботы обычно тесно связаны с *символами исторической памяти* в массовых мировоззрениях населения этих государств (идентичностями, святынями), а также со *статусом государства* среди других государств, с *позициями* деловых и общественных структур *на внешних экономических и культурных рынках*.
- Вследствие неравномерного развития обществ всегда есть объективный и/или субъективный *дисбаланс сил*, приводящий к таким *вызовам-возможностям* одних акторов, риторика или действия которых становятся *вызовами-угрозами* для вышеуказанных *забот* других акторов.
- Вызовы-угрозы для легитимности правителей и элит, для крепости режимов также возникают вследствие *напряжений во внутренней социально-политической динамике*, где свои акторы (актуальные или потенциальные контрэлиты) получают *вызовы-возможности для перехвата власти.*
- Среди известного и доступного *арсенала ответов* на внешние и/или внутренние вызовы терминальные акторы государств (обычно в лице правителей, формально и неформально институционализированных элит) есть *вооруженные акции* со стремлением получить или возвратить доступ к новым ресурсам или контроль над ними, а также разные формы *давления, сило-*

вого воздействия на соседей, конкурентов, что становится *вызовами-угрозами* для них.

- Такие опции ответов наиболее привычны и легко актуализируемы в *диадных отношениях вражды* из-за прошлой истории конфликтов и войн, спорных территорий, соперничества в экономике, *взаимного неприятия* в сферах религии, идеологии и морали.
- Военно-политические союзы, доминирующие коалиции сами становятся *факторами вызовов-возможностей для их членов*, что провоцирует их на военные действия.
- Оборонительные союзы, принятые правила сохранения мира, недопущения агрессии не являются достаточно распространенными и *обеспеченными силой*, т. е. риски, угрозы противодействия инициаторам вооруженных конфликтов *слишком слабые.*
- Вследствие всех вышеуказанных причин терминальные акторы способны отвечать на неприемлемые для них вызовы-угрозы, пытаться реализовывать вызовы-возможности через провокации, концентрацию сил у чужих границ, мобилизацию, наконец, предпринимать вооруженные атаки, вторжение, что при спорадическом схождении объективных и субъективных условий ведет к новой полномасштабной войне.

Наличие среди слабых соседей давнишних соперников, тем более врагов, неизбежно приводит к новым вызовам-возможностям для правителей сильной державы, если они не отягощены миролюбием и уважением к международному праву: повысить могущество державы и свой престиж «маленькой победоносной войной».

Действительно, если война входит в арсенал ответов актора на вызовы-угрозы и вызовы-возможности, то при отсутствии достаточных внутренних запретов (моральных, правовых, политических) и внешних запретов (со стороны влиятельного союзника или сильнейшей коалиции) объяснять следует уже не развязывание войны, а то, *почему в таких обстоятельствах она не была развязана.*

Чем крупнее организация с функциями насилия, тем длиннее иерархическая цепочка командования, тем слабее чувства эмпатии, солидарности между представителями разных уровней, тем легче руководству принимать решения, предполагающие большие жертвы среди подчиненных (ср. с «железным законом олигархии» Р. Михельса).

Динамика и прекращение войн: общие принципы

Начавшаяся война если не привела к быстрой победе, то усиливает решимость сторон продолжать воевать («война сама себя питает»)[1]. Месть за убитых товарищей на нижних уровнях военной организации, вызов профессиональному самоутверждению для офицеров и генералов, страх утерять легитимность для политического руководства — все это мотивирует стороны расширять военные действия, привлекать новые ресурсы, создавать коалиции [Collins 2008; Martin 2018]. Таков широко известный «капкан войны» — войну гораздо легче начать, чем завершить.

Чем дольше длится война и чем она разрушительнее, тем сильнее становятся заботы безопасности среди участников и наблюдателей; соответствующее повышение *спроса на порядок* ведет к росту *предложения порядка* [Модельски 2003] — усилению прежних и/или созданию новых средств и организаций насилия как *обеспечивающих структур военных забот*.

При примерном равенстве сил проигрывает войну та сторона, чья организационная структура быстрее распадается [Collins 2010]. Как правило, на проигрывающей стороне складывается мегатенденция «Колодец» — контуры положительной обратной связи между трендами разрушения логистики и координации действий, роста масштаба потерь, ухода союзников. На стороне успешно наступающего будущего победителя формируется мегатенденция «Лифт» — контуры положительной обратной связи между трендами подъема боевого духа, успеха маневров, огневого поражения, поддержки союзников (см. о мегатенденциях: [Розов 2011: 23–40]).

Победители в войнах, как правило, обретают высокую легитимность, преобразуют соответственно своим интересам, заботам, идеям внутренние и международные порядки в зонах своего могущества и влияния [Модельски 2003]. Державы получают военный отпор и проигрывают, если их действия, политика, порядки противоречат базовым заботам, ценностям других держав, способных объединиться в коалицию и обладающих преимуществом в геополитических ресурсах (богатстве и населении) [Stinchcombe 1987; Коллинз 2015].

Войны также заканчиваются при примерном паритете сил и уровней истощения, когда ни одна из сторон не видит возмож-

1 Ср. с закономерной заменой «ориентации на долю» (когда приоритетом являются приобретения и возможны компромиссы) «ориентацией на актора» (когда приоритетом становится подавление вплоть до уничтожения и компромиссы даже не рассматриваются) [Vasquez 1993: 80–82].

ности победить, после чего открываются возможности для переговоров, заключения мира или перемирия.

Долгий мир ослабляет заботы о безопасности — снижает спрос на порядок у тех, кто обеспечивает базовые заботы мирными средствами [Модельски 2003]. Соответственно, в таких обществах снижаются инвестиции в оборону, они становятся или кажутся более слабыми, и нападение на них становится вызовом-возможностью для держав-претендентов — потенциальных агрессоров.

Роль войн в коэволюции трех порядков

История каждого общества включает последовательность сменяющих друг друга *фигураций* — относительно стабильного единства «прилаженных» друг к другу *социального, ментального и техноприродного порядков* [Элиас 2001]. Поскольку эти фигурации сменяются вместе со своими порядками, то резонно говорить о коэволюции этих порядков.

При рассмотрении множества обществ выявляются общие черты их фигураций, соответственно, можно говорить о фазах социального развития (дикость-первобытность, варварство, ранняя, зрелая государственность, этапы модернизации) и переходах между фазами [Дьяконов 2007; Розов 2019а: 347–364]. Таков первый уровень — *коэволюция порядков внутри каждого общества.*

Поскольку в фигурациях каждой фазы есть сходство между порядками разных обществ, причем не только в политическом устройстве, но также в ментальных структурах, в типах технологий, то понятие «коэволюция порядков» вполне применимо к системе международных отношений. Когда населенный мир был разделен на несколько относительно изолированных макрорегионов с миросистемами (мир-империями, геополитическими ойкуменами, мир-экономиками, цивилизациями), в каждом происходили отдельные коэволюции. Таков второй уровень — *коэволюция порядков внутри каждой миросистемы.*

По мере усиления связей — военных и колониальных, торговых, культурных — и особенно с XX века, двух мировых войн и их последствий (создания Лиги Наций, позже ООН), обширных революционных волн [Goldstone et al. 2022] и глобализации стал складываться третий уровень — *глобальная коэволюция порядков.*

Рассмотрим в контексте трех уровней коэволюции порядков (условно национальный, миросистемный, глобальный) наиболее крупные войны, которые не являются частью порядков, но существенно меняют их, а значит, *служат факторами смены фигураций*.

Каждая такая война составляла кризисный период в коэволюции порядков каждой воюющей стороны и части задействованной

международной системы. «Кризисность» означает, что *привычные ответы на вызовы-угрозы оказывались неадекватными* и только усугубляли напряжения, ухудшали параметры предметов забот и требовали ответов нового типа.

Поиск таковых ответов бывает успешным, тогда они превращаются в *новые обеспечивающие структуры*: армии, способы их ресурсного и кадрового обеспечения, военные союзы, международные конференции и постоянные организации с функцией разрешения конфликтов [Wimmer 2013]. Победившие государства становятся *гегемонами*, начинают доминировать, т. е. принудительно навязывать свои порядки, и/или *лидерами*, когда их соседи и союзники склонны реформировать свои порядки по привлекательным образцам такой державы [Модельски 2003].

Если *ответы* правителей и элит продолжают быть *неадекватными*, то такие государства проигрывают войны. В этих случаях они могут попасть в подчинение завоевательной империи, претерпеть революцию или распасться. Лишь в периферийных, никому не интересных анклавах могут консервироваться прежние порядки проигравшего крупную войну общества. В столицах, крупных городах и богатых провинциях следует ожидать поиск новых форм, скорее всего, близких к порядкам обществ-победителей в крупных войнах.

Полномасштабные войны не «выбиваются» из логики коэволюции, тем более не останавливают ее [Модельски 2003; Mann 2023]. Наоборот, каждая такая война служит могучим драйвером смены порядков и фигураций. Более того, *подъем обществ на каждую новую ступень* социальной эволюции, как правило, происходил *вследствие серии крупных войн*, к которым в эпоху модернизации добавились *революционные волны*, что составило *периоды турбулентности* [Goldstone et al. 2022; Розов 2019б].

Хорошо видимы и известны послевоенные смены социальных порядков во внутренней политике, экономике, сословной и классовой структуре, в международных отношениях. Существенно обновлялись техноприродные порядки: бурное развитие вооружений, фортификаций, военных производств, добычи сырья, особенно руды, угля, нефти.

Несколько слов нужно сказать о не столь очевидных изменениях в ментальных порядках после крупных, прежде всего, оборонительных отечественных — «экзистенциальных» — войн. В таких обществах меняется структура исторического времени, которое распадется на «до войны» и «после войны». Перестраиваются иерархии приоритетов, сакральности в круге символов данной культуры [Malešević 2017]. Все ассоциируемое с победой возвышается, в том числе правители, их династии, тип режима, идеологии. Ассоциируемое с поверженным опасным врагом воспринимается как из-

начально порочное и злое. Сокрушительные поражения нередко раскалывают общества, разделяя их на движения реванша, в которых причинами поражения считаются «предатели», и движения обновления (реформ, революций), в которых поражение связывается с пороками политического устройства, требующего радикального демонтажа, перестройки, или с негодной властной верхушкой, которую необходимо свергнуть.

Все эти изменения касаются не только идей и мыслей, но также *установок*, регулирующих поведение индивидов и групп. Соответственно, происходят множественные *ритуалы рефрейминга*, включающие потоки письменного и устного дискурса. Если в обществе не удается достигнуть хотя бы базового согласия относительно смысла прошедшей войны в связи с актуальными социально-политическими проблемами, то в последующей фигурации (относительной стабильности порядков) сохраняется ментальный и социокультурный раскол.

Во враждебных друг другу больших группах воспроизводятся свои *интерактивные ритуалы*, подкрепляющие чувства и установки [Collins 2004]. Последние обычно включают прямые выводы из осмысления прошедшей большой войны, соответствующую приверженность определенным лидерам, идеологиям, партиям при полном неприятии их противников.

Чем более разрушительны и масштабны войны, тем с большей вероятностью рушатся те фигурации и их порядки, при которых лидеры и элиты оказались не способны к адекватным ответам на военные вызовы. Таким образом, становятся гораздо более интенсивными процессы отбора обеспечивающих структур, порядков и охватывающих их фигураций [Malešević 2017]. Иными словами, войны именно благодаря своей безжалостной разрушительной силе становятся мощными ускорителями социальной эволюции[1].

Заключение

Проведенный анализ показал, что войны ни в коем случае не являются выражением «хаоса», «безумия», «зверства» и т.п. Войны, меняющие свой характер в ходе социальной эволюции, начинаются, протекают, завершаются и возобновляются соответственно позна-

1 Следует заметить, что социальная эволюция отнюдь не совпадает с моральным прогрессом: новые фигурации и порядки могут оказаться не более, а гораздо менее гуманными. Иными словами, в результате войн защищенность жизни, свободы, достоинства, благосостояния индивидов и групп может не повыситься, а понизиться или вовсе упасть до минимума.

ваемым закономерностям, что, разумеется, не исключает всегда присутствующие в реальной истории случайно складывающиеся обстоятельства разных типов и масштабов.

Сугубо эмпирические наблюдения обозревателей многих десятков и сотен войн отчасти требовали уточнения, но в своем большинстве они получили основательные теоретические подтверждения. При этом был использован понятийный аппарат, включающий социальные универсалии М. Вебера и М. Манна (власть, богатство, престиж, насилие/безопасность), расширенную схему А. Тойнби (ответы на вызовы-угрозы и вызовы-возможности), модель А. Стинчкомба (коэволюция забот и обеспечивающих структур), закономерности положительного и отрицательного подкрепления Э. Торндайка и Б. Скиннера, принципы геополитической динамики и коллегиального разделения власти Р. Коллинза. Эти весьма разнородные концепты с разными степенями известности, сложности и нетривиальности показали способность к продуктивному совмещению.

Следует также отметить, что выявленные закономерности возникновения войн отнюдь не свидетельствуют в пользу их неизбежности, фатальности. Трансформация обстоятельств разной природы и глубины, ведущих к войнам на разных этапах социальной эволюции, в теоретическом плане вполне способна прекратить войны. Практическая реализация таких стратегий далека от достижения, что показывает трагическая история первых десятилетий XXI века. Однако растущее знание объективных и субъективных условий, способных переводить действительно неизбежные межгосударственные, межэтнические, классовые конфликты в мирное русло правовых и демократических процедур, дает вдохновляющие надежды.

Смелые идеи Канта относительно республиканизма, учета воли граждан, правового порядка во внутренней и внешней политике [Кант 1994] лишь отчасти воплотились в множественных международных организациях, в том числе правовых и судебных. Для установления пусть не «вечного», но долгого, надежного и справедливого мира еще многое предстоит сделать.

Библиография/References

Браун С. (2003) Почему люди воюют? *Война и геополитика. Альманах «Время мира»*, Новосибирск: НГУ, (3): 17–31.

— Brown S. (2003) Why do people go to war? *War and geopolitics. Almanac "Vremya mira"* — Novosibirsk: Novosibirsk State University Publishing House, (3): 17–31. — in Russ.

Джервис Р. (2022) *Восприятие и неверное восприятие в международной политике*. М.: Центр анализа стратегий и технологий.

— Jervis R. (2022) *Perception and Misperception in International Politics*. M: Center for Strategy and Technology Analysis. — in Russ.

Дьяконов И. М. (2007) *Пути истории. От древнейшего человека до наших дней*. М: Комкнига. EDN: QPFEMH

— Dyakonov I. M. (2007) *The Paths of History. From the Earliest Man to the Present Day*. M: Komkniga — in Russ.

Кант И. (1994) К вечному миру. Кант И. *Соч. в 4 тт.* Т. 1. М: Ками: 353–477. EDN: TJNICN

— Kant I. (1994) Toward Eternal Peace. Kant, I. *Op. in 4 vols*. Vol. 1. M: Kami: 353-477. — in Russ.

Коллинз Р. (2015) *Макроистория. Очерки социологии большой длительности*. М: УРСС. EDN: USHTOX

— Collins R. (2015) *Macrohistory: Essays in Sociology of the Long Run*. M: URSS. — in Russ.

Манн М. (2018) *Источники социальной власти*. Том 1. М: Дело.

— Mann M. (1987) *The Sources of Social Power*. Vol. I. M: Delo. — in Russ.

Модельски Дж. (2003) Объяснение долгих циклов в мировой политике: основные понятия. *Война и геополитика. Альманах «Время мира»*, вып. 3. Новосибирск: НГУ: 455–485.

— Modelski, G. (2003) Explaining long cycles in world politics: basic concepts. *War and geopolitics. Almanac "Vremya mira"* — Novosibirsk: Novosibirsk State University Publishing House, 3: 455–485. — in Russ.

Розов Н. С. (2011) *Колея и перевал: макросоциологические основания стратегий России в XXI веке*. М: РОССПЭН. EDN: QOMVNX. https://doi.org/10.12731/978-5-8243-1480-9

— Rozov N. S. (2011) *Track and Pass: Macrosociological Foundations for Russia's Strategies in the 21st century*. M: ROSSPEN. — in Russ. https://doi.org/10.12731/978-5-8243-1480-9

Розов Н. С. (2023) Причины массового обоюдного насилия: структурирование концепций и субъективные факторы преднамеренных войн. *Гуманитарный вектор*, 18(4): 9–19. EDN: XCBMBG. https://doi. org/10.21209/1996-7853-2023-18-4-9-19

— Rozov N. S. (2023) Causes of mass mutual violence: structuring concepts and subjective factors of deliberate wars. *Humanitarian Vector*, 18(4): 9–19. — in Russ.

Элиас Н. (2001) *О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования, тт. 1, 2*. М — СПб: Университетская книга.

— Elias, N. (2000) *The Civilizing Process: Sociogenetic and Psychogenetic Investigations*. Wiley Blackwell.

Blattman Ch. (2022) *Why We Fight: The Roots of War and the Paths to Peace*. Penguin.

Cashman G. (2014) *What Causes War? An Introduction to Theories of International Conflict.* Rowman & Littlefield.

Collins R. (2004) *Interaction Ritual Chains.* Princeton University Press.

Collins R. (2010) A Dynamic Theory of Battle Victory and Defeat. *Cliodynamics: The Journal of Theoretical and Mathematical History,* 1(1): 3–25. https://doi. org/10.21237/C7clio11195

Copeland D. C. (2000) *The Origins of Major War.* Cornell University Press.

Fry D. (ed.) (2013) *War, Peace, and Human Nature: The Convergence of Evolutionary and Cultural Views.* Oxford University Press.

Goldstone J. A., Grinin L., Korotayev A. (eds). (2022) *Handbook of Revolutions in the 21st Century. The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change.* Springer Nature.

Hironaka A. (2005) *Neverending Wars.* Harvard University Press.

Kahneman D. (2011) *Thinking. Fast and Slow.* New York: Farrar, Straus and Giroux.

Lebow R. N. (2010) *Why Nations Fight.* Cambridge University Press.

Levy J. S., Thompson W. R. (2010) *Causes of War.* Malden, MA: Wiley-Blackwell.

Mann M. (2023) *On Wars.* Yale University Press.

Malešević S. (2017) *The Rise of Organised Brutality: A Historical Sociology of Violence.* Cambridge University Press.

Martin M. (2018) *Why We Fight.* London: Hurst.

Orme J. D. (2018) *Human Nature and the Causes of War.* Springer Nature.

Senese P. D., Vasquez J. A. (2008) *The Steps to War: An Empirical Study.* Prinston University Press.

Stinchcombe A. (1987) *Constructing Social Theories.* The University of Chicago Press.

Van Evera S. (1999) *Causes of War: Power and the Roots of Conflict.* Cornell University Press.

Vasquez J. A. (1993) *The War Puzzle.* Cambridge University Press.

Wendt A. (1992) Anarchy is what states make of it: the social construction of power politics. *International Organization,* 46(2): 391–425. https://doi.org/10.1017/S0020818300027764.

Wimmer A. (2013) *The Waves of War: Nationalism, State Formation and Ethnic Exclusion in the Modern World.* Cambridge University Press.

Розов Николай Сергеевич — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии и права Сибирского Отделения РАН, профессор кафедры международных отношений Новосибирского государственного технического университета, г. Новосибирск. Научные интересы: макросоциология, политическая социология, философия истории, теория ценностей, антропогенез, методология социальных наук.

ORCID: 0000-0001-8585-298X. E-mail: nrozov@gmail.com

Nikolai S. Rozov — Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher, the Institute for Philosophy and Law, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Professor of the Department of International Relations, Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Research interests: macrosociology, political sociology, philosophy of history, theory of values, anthropogenesis, methodology of social sciences.

ORCID: 0000-0001-8585-298X. E-mail: nrozov@gmail.com